

ИЗУЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИН ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЦИКЛА В КОНТЕКСТЕ МЕНТАЛЬНОСТИ

*Кулевая Л.Т.
профессор КазНПУ ИМиД им. Абая, д.ф.н.*

Традиционные трудности в усвоении лексико-грамматической системы славянских языков в диахронии, помимо сложностей, заложенных в самих языковых системах, обуславливаются целым рядом внешнелингвистических факторов. Среди прочих к таковым относится подача материала с традиционных позиций собственно лингвистики как самодостаточной научной дисциплины. В этом случае языковая система рассматривается как «язык в себе и для себя». Многолетний опыт преподавания дисциплин историко-лингвистического цикла свидетельствует о ничтожной результативности внушений преподавателя, касающихся необходимости знать прошлое языка для осмысления его настоящего. Не умаляя важности этого тезиса, с которого традиционно начинаются курсы такого характера, отметим, что достижения диахронической лингвистики позволяют использовать принципиально новые подходы к изложению историко-лингвистических фактов.

Видение лингвистики в контексте дисциплин гуманитарного профиля предполагает интегративный подход к подаче языкового материала историко-лингвистических дисциплин. Презентация языковых фактов на фоне этнокультурных, когнитивных, психологических факторов их развития позволяет актуализировать изучаемый материал, оживить диахронические константы и «мертвые» факты.

Эффективным и результативным представляется изучение древнерусской системы языка в

проекции на русскую ментальность. Использование русского ментального кода усиливает значимость традиционно ущербных тем исторической грамматики. Так, незначительное место в преподавании отводится изучению категории рода существительного. Между тем род многих существительных русского языка претерпевает существенные изменения в процессе эволюции. Это обнаруживается при сопоставлении русских существительных с однокоренными существительными других славянских языков, в частности украинского, белорусского, польского. Если существительные русского языка тяготеют к женскому роду, то существительные других славянских языков – к мужскому роду. Причем это касается как однокоренных, так и разнокоренных существительных, например: русск. *берлога, насыпь, крыша, тетрадь, тушь, тень, медаль*; укр. *барліг, насип, дах, зошит, туш*; бел. *бярлог, насып, дах, сшытак, цень, туш*; польск. *barłog, nasyp, dach, zeszyt, tusz*. Думается, что перевес большинства славянских языков в оппозиции «русское – другое славянское» позволяет утверждать, что в праславянский период рассматриваемые существительные принадлежали к мужскому роду.

Объяснение этому феномену находим в русской ментальности, тяготеющей, согласно русской философской мысли, к женскому началу. Об этом красноречиво рассуждает, в частности, в своих исследованиях Н.А. Бердяев. Обобщая данное наблюдение философов, В.В. Колесов отмечает: «Русские пространства обширны, а Время – мужской символ – еще и не начиналось. Устойчивой святости по вертикали (иерархия уровней) русские предпочитают женское разветвление вширь, тяготение вдаль, а в мышлении «мужской» голове – «женское» сердце. Не маскулинность огня, но женственность воды описываются как символическая стихия русского духа.» По мнению ученого, «загадочность русской души объясняется той же женской глубиной...» [1, 161]

Ученые единодушны в утверждении, согласно которому качество для русского человека превалирует над количеством. Это обуславливает активное развитие в древнерусской языковой системе имени прилагательного в отличие от числительного как самостоятельных частей речи. Такого рода сведения о русской ментальности, предваряющие собственно грамматические, как показывает опыт, активизируют восприятие материала обучающимися, дают возможность представить протекаемый процесс формирования части речи как парадигмальную составляющую языкомыслительной деятельности древнего русича. Применительно к нему такой подход особенно значим уже потому, что для древнего русича был свойственен синкретизм мышления, суть которого заключалась в том числе и в неотделимости предмета, психических процессов, связанных с этим предметом, от его имени.

Значимые сведения для активизации восприятия и усвоения грамматического материала по исторической грамматике русского языка находим в русской ментальности применительно к глаголу. В частности, многое из этих сведений позволяет осознать довольно сложную в ее формировании и развитии грамматическую категорию вида. В данном случае актуально такое свойство русского характера, как качество дела, на которое указывает целый ряд ученых. Потребность древнего славянина выразить качественный процесс протекания действия во внутреннем времени, в отличие от времени внешнего, связанного с моментом речи как точкой отсчета, способствует становлению категории вида как исключительно славянской грамматической категории глагола.

Со свойством качество дела в русской ментальности соотносится и развитие разветвленной системы праславянских форм прошедшего времени, характерной для собственно древнерусского периода развития русского языка. Магистранту необходимо не просто изучить структурно-семантическую характеристику каждого из четырех грамматических значений прошедшего времени, но осознать взаимосвязь каждого из них с представлением древнего русича о качестве дела. Если аорист передает фактологическое время доведенного до предела действия, то имперфект воплощает его характерологическую функцию. По совершаемым в имперфектном времени действиям с позиции «праведно-неправедно» можно судить о совершаемом их субъекте. При изучении темы важным представляется подчеркнуть константный характер аористического и имперфектного значений глаголов прошедшего времени, сохранившихся и в современном русском языке, несмотря на утрату форм их выражения. В данном случае утверждается преемственность мыслительной организации русского социума в процессе его развития, трепетное отношение древними русичами к прошлому как к сакральному в отличие от профанного настоящего.

Такая черта русской ментальности, как качество дела, соотносится в представлении древних славян с результативностью. Данное свойство применимо при изложении эволюции грамматического значения перфекта, сформировавшегося в праславянский период как одна из форм прошедшего времени глагола и вытеснившего простые претериты. Взгляд на прошлое как на сакральное, вера в то, что именно с прошлыми неправедными действиями в рамках конфессионального параметра связаны

все бедствия в настоящем, предопределили тот факт, что в процессе эволюционного развития простые претериты утрачиваются. В древнерусском языке утверждается форма элевого причастия как основной компонент праславянского перфекта. Перфект, вытеснивший простые претериты, излагается преподавателем в контексте оппозиции «свой-чужой», характерной для мировидения древнего русича, а также в проекции на взгляд на прошлое как «за грехи наши». В период триумфа перфекта (XIV в.) все свои бедствия люди связывают не с компонентом «чужой» (татаро-монголы), а с компонентом «свой», со своими грехами. Это они вели несправедливый образ жизни: провоцировали междоусобные войны, перепадали, перепивали, осуждали другого, нарушали Божьи заповеди, забыв о дне Страшного Суда. За грехи в прошлом нужно расплачиваться в настоящем. Расплата в настоящем – татаро-монгольское нашествие и последующие за ним погромы, разорение, голод. Компонент «чужой» представляется неким внешним фактором расплаты за собственные (компонент «свой») грехи. Так во взглядах на трагическую ситуацию (мир) актуализируется два временных плана: прошлый и настоящий. Эти планы воплощаются именно в значении и форме перфекта: вспомогательный глагол *быть* выступает в форме настоящего времени, а элевое причастие – в форме прошедшего времени.

Причина утраты вспомогательного глагола в рассматриваемой форме видится главным образом в нивелировании личностного начала в русском характере. При изложении этого процесса эффективно отметить частеречную принадлежность оставшегося компонента: слова на -л как причастия. Совокупность ментальных и грамматических оснований позволяет осознать причину отсутствия в форме прошедшего времени категории морфологического лица в современном русском языке. Как показывает практика преподавания, именно неосознанное восприятие материала провоцируют ошибки студентов при морфологическом анализе форм глагола прошедшего времени в курсе современного русского языка.

В зависимости от изменения когнитивной модели мира в процессе эволюционного развития изменяются грамматические категории наклонения. Концептуальная и соответствующая языковая картина мира русичей в период XI-XIV вв. преобразуется под воздействием смены акцентов с предметного мира на духовный. Подобного рода сведения эффективно использовать при изложении становления и эволюции грамматических значений будущего времени и сослагательного наклонения в древнерусском языке. Значение сослагательного наклонения развивается на фоне аффективно окрашенных знаний концептуальной картины мира древних русичей, вследствие смены ее компонента с дихотомии на трихотомию, проявления «третьего лишнего» в восприятии мира в период Средневековья. Третьим компонентом в XIV веке в древнерусском языке становится вновь сформировавшееся грамматическое значение будущего времени в составе категории времени и грамматическое значение сослагательного наклонения в составе категории наклонения.

Становление футуральной семантики как частного свойства семантики темпоральной обуславливается историческими событиями, способствовавшими проявлению надежды на будущее, которая в период татаро-монгольского нашествия рассматривалась как грешное мировосприятие. Победа в Куликовской битве (онтологический компонент языкомыслительной деятельности) способствует иному видению мира: то, что представлялось лишь в грезах (возможный мир), оказалось действительностью (реальный мир). Другими словами, эволюция мировосприятия древнего русича после рассматриваемого знаменательного исторического события способствует эволюции грамматики, а именно: становлению будущего времени как самостоятельного грамматического значения в составе грамматической категории времени.

Эффективности восприятия грамматического материала, связанного с формой сослагательного наклонения глагола, содействуют сведения о том, что формирование гипотетического значения, сопровождаемое морфологизацией перифрастических конструкций, приводящих к образованию древних форм сослагательного наклонения, обусловлено господствующими в период татаро-монгольского нашествия процессом манипулирования сознанием, «психологии незамечания», «идеологии умолчания», невоплощения в слове того, что происходит в окружающей действительности. Вера в магию слова позволяло выжить: если нет слова, то нет и действия, которое в нем воплощено. Следовательно, все в жизни по-прежнему, несмотря на страшные погромы, разрушения, беды, голод. Сакральность слова способствует развитию семантики возможных миров, а в их составе – возможных действий. Семантика возможных миров позволяет говорящему не только выразить предполагаемую ситуацию, но и создать иллюзию реального мира в тех случаях, когда реальная действительность не соответствует нормам жизни. Созданный иллюзорный мир не является алогичным и рассматривается как возможный мир. На основе моделирования стереотипных ситуаций

в представлении говорящего формируются возможные миры вместо имеющей место реальности, отвергаемой человеком.

В сфере модальности действия семантика создаваемых возможных миров проявляется в соотношении реальных смыслов как с прошедшими действиями, уже имевшими место в жизненном опыте говорящего, так и с действиями желаемыми, осуществление которых возможно при определенных условиях, основанных на знаниях говорящего о реальном мире. В перифрастических конструкциях, используемых для передачи описываемой модальности действия, выделяются два возможных мира. Первый представлен сферой прошлого и передается посредством аориста глагола *быть*, второй – сферой будущего, и выражается посредством злевого причастия, выполняющего ономазиологическую функцию. И только трансформация этих сфер в единый возможный мир с актуализацией последнего приводит к морфологизации перифрастических конструкций, следствием которой было формирование формы сослагательного наклонения в славянских языках. Например, в древнерусском языке отмечаем: *Быхом мы видели васъ ту, молилися быхомъвам со слезами.* (Киево-Печерский патерик) Превалирующим оказывается значение желательности как оппозиционный признак сослагательного наклонения в составе формирующейся грамматической категории.

Эволюция рассматриваемых форм заключается в том, что формы аориста постепенно утрачивают способность передавать значение прошедшего действия как свершившегося факта, вследствие чего можно говорить о трансформации их в частицу с сохранением персонифицирующего показателя. Утрата последнего обуславливает единый показатель в современном русском языке вне соотношения с производящим действие субъектом. Данное сведение позволит осознать причину отсутствия в современной форме сослагательного наклонения категории лица.

Для целого ряда тем актуальность приобретает соборность, характерная для русской ментальности. Соборность мировосприятия обуславливает синкретизм мышления древнего русича, породивший целый ряд синтаксических конструкций с компрессивной семантикой. Среди обозначенных в программе конструкций выделяется конструкция дательный самостоятельный. Суть семантической компрессии применительно к ней заключается в способности с ее помощью передавать различную семантику придаточной части сложноподчиненного предложения. Утрата данной конструкции явилась свидетельством развития мыслительной деятельности древнего русича, способствовавшей формированию расчлененной семантики в процессе эволюции русского языка. Не случайно в древнерусских текстах отмечается конструкция дательный самостоятельный в одном однородном ряду с условной придаточной частью в сложноподчиненном предложении, например: *Не убо сице уставу естъство наше написующю, аще зрѣль бы ярости и желание и яже от нихъ прозябающая ссущствена естѣству, ни бо иномъ нѣкотором уставъ кто отдасть подлежащимъ, общее вмѣсто особногo глаголю.*

При подаче данного материала следует подчеркнуть его связь с компонентом «свой», поскольку дательный самостоятельный развивается в древнерусской языковой системе. Его утрата в процессе ее эволюции вводит с собой и особую «русскость» синтаксического строя, во многом заимствованного из французского языка (компонент «чужой»), благодаря деятельности Н.М. Карамзина.

Таким образом, изучение древних фактов развития языка сквозь призму ментальных характеристик его носителя позволяет сделать историко-лингвистические курсы более интересными, значимыми и способствующими эффективному усвоению современных языковых фактов. Однако реализация преподавания исторических фактов в проекции на ментальность возможна в полной мере лишь в том случае, если они проявляют себя с неопровержимой очевидностью в ментальном коде, что, думается, не всегда возможно. Поэтому в поисках дальнейших соответствий между языковыми единицами и ментальными характеристиками народа важно не переступить предел логического принципа выявления таких соответствий.

Литература:

1. Колесов В.В. *Язык и ментальность.* – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.